

КАЗУС С РОГНЕДОЙ:
СВАТОВСТВО ВЛАДИМИРА
В СВЕТЕ ДОХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОВОЙ
ТРАДИЦИИ СКАНДИНАВИИ*

Летописный рассказ о сватовстве князя Владимира к Рогнеде традиционно привлекает читателя богатством эмоциональных красок, фольклорных подробностей и межкультурных соответствий. При несомненном и наглядном драматизме изображаемой в летописи ситуации она обладает множеством подтекстов, отнюдь не все из которых уже введены в исследовательский оборот. Так, фабула этого эпизода во многом строится на оскорблении Рогнедой Владимира («не хочу розути робичича . но Йрополка хочю») и на последующей мести и реванше князя над правящим в Полоцке родом. Между тем, если рассматривать данный фрагмент не только как интереснейший и довольно сложно устроенный нарратив, но и как воспроизведение сути некоего диалога, имевшего место в действительности, то помимо оскорбительного характера реплики Рогнеды, нельзя не обратить внимание на ее собственно правовой аспект.

Дочь мигранта в первом поколении естественным образом мыслит правовыми категориями, актуальными для ее прежней родины. В архаическом скандинавском праве существует специальная норма, согласно которой ребенок, рожденный от свободного и рабыни (и, соответственно, от свободной и раба), не может наследовать родовое имущество своего отца, даже если тот освободит его мать и женится на ней. Летописная Рогнеда действует вполне в духе традиций своей родины, упрощая и обостряя некоторую довольно сложную житейскую ситуацию, дабы свести ее к понятному и безапелляционному положению в праве — Владимир как сын рабыни не является наследником родового имущества ни первого, ни второго порядка. Иначе говоря, в глазах Рогнеды он не может унаследовать это имущество и в случае гибели своих братьев. Рогнеда при этом оказывается неправой, рассматривая Киев как обычное родовое владение, а Владимира — лишь как сына своего свободного соотечественника от рабыни. «Несостоятельность» такой позиции является в известном смысле симптомом перехода Рюриковичей от статуса рода к статусу династии, всегда живущей по несколько измененным относительно общеродовых правилам наследования.

---

* В этой работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнескандинавское право, конкубинат, наследование, княжеская династическая традиция, варяги, Рюриковичи.

Сообщение летописи о сватовстве князя Владимира к Рогнеде не раз привлекало внимание исследователей как броская примета русско-скандинавских связей, позволяющая аргументировать (или оспаривать) факт влияния одной из этих культурных традиций на другую. При этом речь шла преимущественно о сфере фольклорно-литературных аллюзий и параллелей, о заимствовании, миграции или универсальности определенного сюжета, а иногда и о реконструируемом сценарии архаического ритуала¹.

Однако, как мы все чаще убеждаемся в последнее время, существование собственно литературной подкладки или даже инокультурного повествовательного образца отнюдь не всегда отрицает реальность и достоверность того или иного исторического события, описанного в тексте, тем более что в случае Рогнеды и Владимира сюжет сватовства, отказа и последовавшего за ним насилия (кстати сказать, вовсе не такой уж распространенный) насыщен весьма специфическими деталями. В данной работе мы хотели бы взглянуть на него с совершенно другой стороны — не как на литературоведческий объект, а скорее как на фиксацию реального диалога и в определенном смысле, реального юридического казуса, сосредото-

---

¹ См., например: *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // Ученые записки Гос. Саратовского ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1923. Т. I. Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета; *Cross S.H.* La tradition islandaise de Saint Vladimir // *Revue des Études Slaves*. 1931. Т. XI. P. 133 и след.; *Stender-Petersen A.D.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934 (Acta Jutlandica, 6, 1 [Humanistisk serie, 16]). S. 210–244; *Idem.* Varangica. Aarhus, 1953. S. 130–131; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 209–217; *Членов А.М.* Языческий обряд низложения династии в Киевской Руси (реконструкция) // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979; *Данилевский И.Н.* Библия и Повесть Временных Лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 85–86 (критику отдельных положений последней работы см. в: *Butler F.* Enlightenment of Rus': The Image of Vladimir Sviatoslavich across the Centuries. Bloomington (IN), 2002. P. 32–33); *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. С. 335–354; *Михеев С.М.* Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрекса) // Именослов: История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. (Труды Центра славяно-германских исследований, I). С. 169–179.

точившись по преимуществу на знаменитой реплике Рогнеды: «не хочю розути робичича . но Йрополка хочю»².

Если мы осмеливаемся вступить на почву юриспруденции, то нам придется доказать, что, с одной стороны, сомнительные, полученные не из первых рук и много лет спустя после событий показания летописца могут претендовать хотя бы на какую-то достоверность, и, с другой стороны, что они по существу имеют отношение к интересующему нас делу и потому заслуживают быть принятыми во внимание в ходе исследовательского разбирательства.

Каков же *правовой*, а не сугубо литературный или символический подтекст ситуации? Рогнеда, дочь мигранта в первом поколении, отвергая Владимира, должна была бы, скорее всего, мыслить правовыми категориями, актуальными для ее прежней родины — у нас тем больше оснований для такого утверждения, что и гораздо позже в праве, сложившемся в Древней Руси, скандинавы — «...варягъ или кто инь...»³ — по-прежнему выделяются в обособленную группу. Кроме того, специальная комментирующая ремарка летописца, как кажется, лишний раз подчеркивает отсутствие культурной адаптированности полоцкого правящего дома: «...бѣ бо Рогъволодь пршель и-заморья . имаше власть свою в Полотьскѣ».

Записанные скандинавские памятники права, как известно, сохраняют внушительный пласт автохтонной архаики, и робичичи, дети, рожденные от рабынь, в них упоминаются неоднократно. Более того, некую норму относительно потомства свободного человека

---

² В летописной статье, помещенной под 980 г., этот эпизод излагается следующим образом: «...и посла ко Рогъволоду Полотьску гла . хочю поати тьчерь твою собѣ женѣ . внѣ же ре^ѣ тьчери своеи . хочеси ли за Володимера . вно же ре^ѣ . не хочю розути робичича . но Йрополка хочю . бѣ бо Рогъволодь пршель и-заморья . имаше власть свою в Полотьскѣ . а Туры Туровѣ . ѿ негоже и Туровци прозва^{ша} ца . и придоша штроци Володимерови . и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину . и дьчерь Рогъволюю княза Полотьскаго . Володимеръ же собра вои многи . Вараги . и Словѣни . Чюдъ и Кривичи . и поиде на Рогъволода . в се же время [хотаху] Рогънѣдь вести за Йрополка . и приде Володимеръ на Полотескъ . и оуби Рогъволода . и сна его два . и дьчерь его поа женѣ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 75–76).

В Ипатьевской летописи эпитет «робичич» отсутствует и заменен на имя князя: «не хощю розути Володимера . но Йрополка хочю» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 63), однако в Новгородской первой летописи он есть — «не хощю розувати робичича, нѣ Ярополка хощю» (ПСРЛ. Т. III. С. 125).

³ Русская правда Пространной редакции (по Троицкому списку) // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства, X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 110, ст. 18; *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 90.

от рабыни мы обнаруживаем и в Пространной редакции «Русской правды», однако актуальность этих памятников для интересующей нас коллизии сама по себе требует отдельной аргументации.

В самом деле, Рогнеда и Владимир находятся еще в предхристианском правовом пространстве, а письменная фиксация и кодификация скандинавских законов, например, происходит более полутора веков спустя после крещения полуострова. Вопросы же брака и легитимности происхождения детей настолько небезразличны для церкви, особенно в новообращенных землях, что всякая записанная тогда норма, сколь бы архаичной она ни казалась, неизбежно вызывает подозрение в, так сказать, примеси церковного взгляда и не может служить источником сведений о языческом праве, прежде чем будет от этих подозрений очищена⁴.

Счастливым образом, в нашем распоряжении имеется материал, позволяющий куда более надежно заглянуть в X век и обрести там правовой прецедент, который может служить объяснительной параллелью к словам Рогнеды и к тому, что за этими словами последовало. Речь идет о семейной ситуации старшего современника Владимира и Рогнеды — знаменитом скальде Эгиле, сыне Грима Лысого, ситуации, которая была описана и охарактеризована им самим. Эгиль, как это нередко случалось в языческой среде⁵, взял в жены вдову своего брата Торольва, Асгерд. Через некоторое время на их недавней родине, в Норвегии⁶, умер его тесть. Все оставшееся после него имущество было присвоено единокровной сестрой эги-

---

⁴ В качестве материала, верифицирующего достоверность этого эпизода, а заодно и его укорененность в собственно славянской традиции, указывались этнографические источники, фиксирующие разувание жениха невестой как часть восточнославянского свадебного обряда (ср., например: *Соколов Б.М.* Эпические сказания. С. 96). Однако эта ритуальная процедура распространена отнюдь не только у славян и, как кажется, не может служить сколько-нибудь индикатором этнической принадлежности ее участников.

⁵ Как известно, Эгиль, хотя и принял вместе со своим братом в Англии оглашение или *prima signatio*, так и не был крещен и умер язычником. См. подробнее с указанием и анализом соответствующих саговых свидетельств: *Успенский Ф.Б.* Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 145–149, 151–152.

⁶ Напомним, что, согласно саге, Эгиль, как и Рогнеда, был потомком мигранта в первом поколении, поскольку его отец, Грим Лысый, переселился в Исландию за некоторое время до его и Торольва появления на свет (ср.: *Egils saga Skallagrímssonar tilligemed Egils stórra kvæð / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson.* København, 1886–1888 (STUAGNL, 17). (Далее — Eg.). Kap. XXXI).

левой жены и ее мужем Берг-Энундом, сыном Торгейра Шип-Ноги, на том основании, что жена Эгиля будто бы была рождена от рабыни.

В чем же заключается информация, которую мы можем извлечь из стихотворного свидетельства X в., которое составил сам Эгиль? В «Саге об Эгиле» цитируется следующая его виса, посвященная этим событиям:

«Шип шипа (= мужчина, т. е. Берг-Энунд, сын Торгейра Шип-Ноги) объявил мою повозку потока <питьевого> рога (= женщину) — рожденной от рабыни;

этот Энунд обуреваем своей алчностью;

потрясатель штыря / копыя (= воин, мужчина, т. е. Берг-Энунд или конунг?), я женат на норне булавки (= женщине), рожденной наследовать;

это может быть удостоверено клятвой;

принимай же, знатный родом (= конунг?), имеющиеся наготове клятвы!»⁷.

Из этого предельно скомпрессированного и весьма информативного поэтического высказывания очевидно, что и Эгиль, и его оппонент Берг-Энунд, и конунг, и все, кто предполагается в качестве свидетелей и судей, равным образом принимают в качестве презумпции, что та из единокровных сестер, которая рождена от рабыни, не имеет права наследовать после своего отца. Спор идет лишь о том, *была ли* в действительности мать Асгерд *рабыней*. Это, в свою очередь, означает, что в X в. в Скандинавии и в самом деле (а не только по нашим выкладкам и архаизирующим правовым реконструкциям) существовала и, что не менее важно, применялась на практике норма, согласно которой дети рабыни могли быть полностью исключены из наследования своему отцу.

Теперь, вооружившись этим хронологически аутентичным знанием, мы вправе со всей возможной осмотрительностью привлекать показания родовых саг, повествующих о X в., но зафиксированных на пергамене гораздо позже. Однако уже и сейчас сходство казуса Владимира и казуса Асгерд бросается в глаза: в одном случае (собственно скандинавском) мы имеем дело с финальным этапом разви-

---

⁷ Þýborna kveðr þorna / þorn reið áar horna, / sýslir hann of sína / síngirnð Önunder, mína; / naddhristir, ák nistis / nom til arfs of borna; / þigg þú auðkonr eíða, / eíðsært es þat, greiða (Skj. T. I. S. 46, № 16). Ср. также: Eg. Kap. LVI. Bls. 190.

тия правовой ситуации — невозможность потомку рабыни получить отцовскую собственность, тогда как в другом (русском) — с более ранней стадией ее развертывания, когда девушка превентивным образом не хочет выходить замуж за сына рабыни. Соответственно, становится очевиднее и юридическая мотивировка отказа Рогнеды: она отвергает Владимира не потому, что он младше и хуже Ярополка, не потому, что предки его матери менее знатны по рождению, но прежде всего потому, что, будучи робичичем⁸, он, согласно скандинавскому обычному праву, не является наследником родового имущества ни первого, ни второго порядка.

Обратим внимание, что у сопоставляемых нами двух текстов, стихотворения и летописного свидетельства, в литературоведческой перспективе, счастливым образом, предельно мало общих черт, они сходны ни жанром, ни сюжетом, ни структурой, а лишь интересующим нас юридическим наполнением. Дальнейшее погружение летописной истории в скандинавский контекст позволит лучше оценить, сколь всеобъемлющей в глазах Рогнеды была эта пораженность Владимира в родовых правах.

Так, в частности, в русской историографии с давних пор ведется спор о том, кем именно был дед Владимира с материнской стороны, тот самый «Малък Любечанинь»⁹. Ни в коей мере не вступаю

---

⁸ «бо бѣ отъ Малуши ключницѣ Вльзины . сестра же бѣ Добрына . ѿѣ же бѣ има Малък Любечанинь . [и] бѣ Добрына оуи Володимеру» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 69, под 970 г.). Чрезвычайно близким образом происхождение Владимира характеризуется в НПЛ (ПСРЛ. Т. III. С. 121), тогда как в летописи Ипатьевской термин «ключница» по отношению к Малуше, подразумевающий положение служанки / рабыни, заменен на неопределенное «милостница»: «бо бѣ ѿ Малуши милостьницѣ Вльжины . сестра же бѣ Добрына . ѿѣ же бѣ има Малько Любчанинь . и бѣ Добрына . оуи Володимеру» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 57). Обсуждение семантики слов «ключница» и «милостница» см. в работах: *Прозоровский Д.И.* О родстве святого Владимира по матери // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. V. С. 19; *Срезневский И.И.* О Малуше, милостнице в[еликой] к[нягини] Ольги, матери в[еликого] к[нязя] Владимира // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. V. С. 27–33.

Можно допустить, таким образом, что из Ипатьевской летописи последовательно устранялись упоминания о рабском происхождении Владимира (как мы помним, именно в этом своде, в ключевой для нас статье под 980 г., отсутствует слово «робичич», здесь оно заменено именем князя).

⁹ Об отце Малуши, см. в работах: *Прозоровский Д.И.* О родстве святого Владимира. С. 20–22; *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 340–378; *Он же.* Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 88–91; *Korpela J.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä, 1995. (Studia Historica Jyväskyläensia. Bd. 54). S. 181, № 524;

в обсуждение вопросов, касающихся, например, надежности и достоверности его отождествления с древлянским князем Малом, мы попытаемся продемонстрировать, что в скандинавской юридической перспективе это, в сущности, не имело принципиального значения, если речь шла об отцовских землях, получаемых, так сказать, *post mortem*, по наследству.

С осторожностью препарирова саговый материал, обратим внимание на то, кем были в Скандинавии матери робичичей, чаще всего именуемые в источниках *þú* или *ambátt*¹⁰. Эти слова могли использоваться как для именованя собственно рабыни, так и в более широком смысле служанки¹¹ (что отчасти соответствует, по-видимому,

---

Членов А.М. Древлянсько походження князя Владимира // Український Історичний журнал. 1970. № 9–11; Поннэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974; Карнов А. Владимир Святой. М., 1997. С. 13–15, 366; Schramm G. Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002. S. 479–484; Милотенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С. 111.

¹⁰ В древнескандинавских языках наряду с существительным женского рода *ambátt* ‘рабыня, служанка’ (о нем см. также подробнее: Ebel E. Der Konkubinat nach altwestnordischen Quellen. Philologischen Studien zur sogenannten “Friedelehe”. Berlin; New York, 1993 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 8). S. 158–160) имеется и однокоренное слово среднего рода *embætti* (*ambætti*) со значением «служба, должность». Оно, как известно, легло в основу древнерусского «забетникъ» («забедьникъ») со значением «должностное лицо» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина, пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. 3-е изд. М., 1996. Т. IV. С. 538, с указанием литературы). Перед нами, таким образом, ценный и редкий (но не единственный!) след формирования русской официальной и социальной терминологии в эпоху активных славяно-варяжских контактов, отражающий и некую общность представлений о подобного рода иерархических отношениях в Скандинавии и на Руси.

¹¹ Насколько мы можем судить по наиболее ранним из дошедших до нас текстов, культурным эквивалентом слова «робичич» являлось, скорее всего, *ambáttar sonr*. Так, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона сын Авраама от Агари именуется (так же, как Владимир в летописи) «робичичем» — «...роди же агарь раба . ѿ Авраама . раба робичишть» (Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 79–80, л.170 а–171 а; ср. в этой связи: Соколов Б.М. По поводу «Слова о законе и благодати» Илариона // ИОРЯС (1917). 1918. Т. XXII. Кн. 2. С. 314–319; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 51–52), тогда как в скандинавском пересказе соответствующего библейского сюжета он обозначается именно термином *ambáttar sunn* (Stj. Kap. 38. Bls. 128) — ср. *filius ancillae* в Вульгате (Gen. 21, 10).

функциональному наполнению термина «ключница»¹²). Такая совокупность значений создавала на скандинавской почве в позднейшие христианские времена пространство и для литературных, и для правовых манипуляций. При этом насколько можно судить по сагам, в эпоху внешней экспансии и внутренних распрей правовой статус такого рода рабынь-служанок задавался отнюдь не их низким происхождением, их дети не имели права наследовать отцу из-за вполне конкретного события в жизни своих матерей¹³, а вовсе не из-за их недостаточной родovitости.

Что же мы знаем о теще Эгиля? Она была дочерью свободного и богатого норвежского бонда, ровни и соседа ее мужа. Весь спор

---

¹² Мы должны отдавать себе отчет в том, что у нас практически нет данных, позволяющих точно определить обязанности и положение ключницы Малуши в доме княгини. В перспективе ее брачных возможностей, как мы попытаемся показать ниже, такого рода точность имеет второстепенное значение, решающую роль играет лишь тот факт, что она была несомненно зависимым лицом в доме матери Святослава Игоревича. При этом ее брат, Добрыня, мог оставаться и оставался, судя по всему, человеком свободным, подобно тому как был свободен, например, дядя Асгерд, родной брат ее матери — Торы Кружевной Руки (см.: Eg. Kap. LVI).

С другой стороны, если говорить о нормах, фиксируемых куда более поздними источниками, в первую очередь, Пространной редакцией «Русской правды», выясняется, что в следующую эпоху акт наделения на себя ключа, как и исполнение обязанностей тиуна, безоговорочно ассоциировались с холопством, постоянным или временным: «А се третье холопство: тивунство без ряду или привязеть ключь к собе без ряду, с рядомь ли, то како ся будеть рядиль, на том же стоить» (Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 109; Русская правда Пространной редакции (по Троицкому списку). С. 119, ст. 110). Обращает на себя внимание, что термин «тиун», подобно слову «лабетникъ» (см. выше, предыдущее примеч.), также является скандинавским заимствованием (из *þjónn* «раб, слуга») и, следовательно, связан с тем же кругом обиходных для славяно-варяжского мира социально-управленческих обозначений. Сам по себе весьма интересен также архаический принцип (актуальный не только для русских и скандинавов), когда важнейшие хозяйственно-распорядительные функции отдавались по преимуществу людям несвободным, что и запечатлелось в семантике целого ряда соответствующих слов. Однако этот вопрос безусловно нуждается в отдельном рассмотрении. Ср. о древнегерманской терминологии, применявшейся для обозначения ряда семейно-социальных функций, и об изменении значений этих терминов, постепенно переносившихся с хозяйина на старшего раба или управителя: *Brink S. Lord and Lady — Bryti and Deigja: Some Historical and Etymological Aspects of Family, Patronage and Slavery in Early Scandinavia and Anglo-Saxon England. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London 17 March 2005. London, 2008.*

¹³ Отметим, что термин *ambáttar sonr* может применяться, если судить по более поздним источникам, к человеку, обладающему личной свободой. В этом отношении достаточно выразительна одна из глосс к норвежским законам Гулатинга, где сообщается, что *ambattar sunr* это ребенок, рожденный рабыней (*þybornn sunr*) и получивший свободу прежде, чем прошли три Святые ночи (NGL. T. I (Gul.). Kap. 104. Bls. 48).

о праве ее детей на наследство строится вокруг того, был ли заключен между ее отцом и семьей ее мужа подобающий договор с уплатой за невесту или она была уведена отчасти обманом, отчасти силой, как пленница. В последнем-то случае ее дети и считалась детьми рабыни, не имеющими права на наследство, т. е. на уровне языка и на уровне закона отождествлялись с потомством женщины, приобретенной у торговца за деньги. Одним из оснований для такого отождествления в традиции выступало, разумеется, то обстоятельство, что и купленная невольница, в свою очередь, могла быть дочерью свободных, а иногда и знатных родителей, внезапно оказавшейся в плену в результате военного набега¹⁴.

Обращаясь к нарративным источникам, можно убедиться, сколь многое перед заключением брака делалось для того, чтобы его договорной характер был предельно прозрачен и не мог ни у кого вызвать сомнений. В сватовстве согласие и желание невесты было практически обязательным условием успеха¹⁵, однако ее окружение проявляло максимальную заботу о том, чтобы старшие родичи-мужчины, так или иначе отвечающие за ее судьбу, имели возможность выразить свое одобрение будущего союза и публично усло-

---

¹⁴ Весьма любопытно, что в письменно зафиксированном скандинавском праве мы находим своеобразный реестр тех физических изъянов, которые в принципе могут быть у невесты и отсутствие которых как бы гарантирует представитель ее рода при брачных переговорах. Этот список, да и самая процедура, разительно напоминают то, что происходит при покупке невольницы, физическую полноценность которой гарантирует ее владелец (ср. описание покупки рабыни в «Cage о людях из Лососье долины» ниже). См. также: *Jochens J.M. Women in Old Norse Society. Ithaca; London, 1995. P. 48.* Вопрос о мере архаичности этого процедурного сходства нуждается в отдельном рассмотрении.

¹⁵ Ср. иначе: *Jochens J.M. Consent in marriage. Old Norse law, life, and literature // Scandinavian Studies, 1986. Vol. 58; Idem. Women in Old Norse Society. Passim.* Автор полагает, что согласие или несогласие девушки вовсе не принималось в расчет, однако создается впечатление, что этот вывод делается ею *a priori*, без необходимого анализа сагового материала. Во всяком случае, единственный пример, приводящийся в работах Дж. Джохенс, когда никто не справился о мнении невесты и она узнала о том, что сосватана, лишь во время приуготовлений к свадебному пиру, явно принадлежит к числу описаний тех парадоксальных и идущих вразрез с обиходной практикой ситуаций, которые время от времени используются в построении сагового сюжета. О существовании таких экзотических историй, намеренно противопоставленных нормальному порядку вещей в рассказах о различных семейно-правовых коллизиях, Дж. Джохенс не раз вспоминает по другим поводам, справедливо не считая их основанием для переоценки нормы как таковой. В подавляющем же большинстве саговых эпизодов, где процесс сватовства рассматривается сколько-нибудь подробно, непременно упоминается согласие или отказ девушки.

виться со стороны жениха, даже если речь не шла о передаче сколько-нибудь крупного имущества в чьи-либо руки.

Современному читателю описания такого рода «челночных» переговоров, когда сперва сваты советуются, например, с приемным отцом девушки, он принимает их благосклонно, но посылает к ее родному отцу, а тот, согласившись отдать дочь, отправляет их за одобрением вновь к отцу приемному, может показаться своего рода повествовательной избыточностью. На самом же деле, за подобными «топтаниями на месте» и многократным возвращением к начальной точке переговоров стоит не только обряд и ритуал, но и стремление надежно обеспечить сугубо юридические права девушки и ее будущих детей¹⁶. Именно в обществе, где от ее собственного решения зависело столь многое, одобрение этого решения родом (и, прежде всего, отцом, братьями, дядей, взрослым сыном или даже зятем) приобретало, парадоксальным образом, огромную правовую роль. Характерно, однако, что отсутствию договорных отношений в традиции противопоставлялось отнюдь не самовольство девушки, а ее насильственный захват и «пленение», как это произошло, согласно речам оппонентов Эгиля, с Торой Кружевной Рукой, матерью Асгерд, которую они именуют рабыней.

У нас есть, по меньшей мере, еще два саговых эпизода, повествующих о событиях X в., которые построены вокруг сходных юридических коллизий. Оговоримся сразу, что скальдическими стихами они не подкреплены, а значит, занимают несколько иное место на нашей шкале достоверности. Так, мать Олава Павлина из «Саги о людях из Лососьей долины» была Мелькорка, которую сага называет дочерью ирландского короля, попавшей в плен к викингам и проданной в рабство¹⁷. История Мелькорки и ее сына Олава снаб-

---

¹⁶ Ср. в этой связи: *Jochens J. Women in Old Norse Society*. P. 24–29.

¹⁷ Вот как описывается покупка рабыни Мелькорки в этой саге: «Однажды, когда Хёскульд вышел развлечься с некоторыми людьми, он увидел великолепный шатер в стороне от других палаток. Хёскульд вошел в шатер и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове («og hafði gerzkan hatt á höfði»). Хёскульд спросил, как его зовут. Тот назвал себя Гилли. — Однако, — сказал он, — многим больше говорит мое прозвище: меня зовут Гилли Русский («Gilli hinn gerzki»). Хёскульд сказал, что часто о нем слышал. Его называли самым богатым из торговых людей. Тут Хёскульд сказал: — Ты, видно, сможешь продать нам вещи, которые мы бы охотно купили. Гилли спросил, что бы он и его спутники желали купить. Хёскульд сказал, что он хотел бы купить рабыню: — Если у тебя есть рабыня на продажу. Гилли ответил: — Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая о вещи, которой, как вы полагаете, у меня нет

жает нас весьма существенными данными о том, как велики и сколь малы были возможности отца по отношению к своим детям от рабыни и в какой мере знатное происхождение матери-рабыни могло то приобретать, то утрачивать актуальность.

Пока отец жив, он вполне может выделить и отдать рабе и робичичу некую часть своих земельных владений, отпустив их на волю, но, распоряжаясь относительно имущества на пороге смерти, он не вправе оставить робичичу в наследство никакой родовой недвижимости без одобрения и согласия всех своих законных детей. Достаточно возражения кого-то одного из сыновей, и предсмертное желание отца теряет силу, как это случилось с Хёскульдом на смертном одре¹⁸. Со всей очевидностью это происходит потому, что законода-

---

в продаже. Однако дело обстоит не так, как вам кажется. Хёскульд заметил, что шатер был разделен надвое пологом. Тут Гилли приподнял этот полог, и Хёскульд увидел, что там сидело двенадцать женщин. Тогда Гилли сказал, что Хёскульд может пройти туда и присмотреться, не купит ли он какую-нибудь из этих женщин. Хёскульд так и сделал. Все они сидели поперек шатра. Хёскульд стал пристально разглядывать этих женщин. Он увидел, что одна из женщин сидела недалеко от стены, она была одета бедно. Хёскульд обратил внимание на то, что она красива, насколько это можно было разглядеть. Тут Хёскульд сказал: — Сколько будет стоить эта женщина, если я ее куплю? Гилли отвечал: — Ты должен заплатить за нее три марки серебра. — Мне кажется, — сказал Хёскульд, — что ты ценишь эту рабыню довольно дорого, ведь это цена трех рабынь. Гилли отвечал: — В этом ты прав, что я прошу за нее дороже, чем за других. Выбери себе любую из одиннадцати остальных и заплати за нее одну марку серебра, а эта пусть останется моей собственностью. Хёскульд сказал: — Сначала я должен узнать, сколько серебра в кошельке, который у меня на поясе. Он попросил Гилли принести весы и взялся за свой кошелек. Тогда Гилли сказал: — Эта сделка должна совершиться без обмана с моей стороны. У женщины есть большой недостаток. Я хочу, Хёскульд, чтобы ты знал о нем прежде, чем мы покончим торг. Хёскульд спросил, что это за недостаток. Гилли отвечает: — Эта женщина немая. Многими способами пытался я заговорить с ней, но не услышал от нее ни одного слова. И теперь я убежден, что эта женщина не может говорить. Тут Хёскульд сказал: — Принеси весы для денег, и посмотрим, сколько весит мой кошелек. Гилли сделал так. Они взвесили серебро, и оно было три марки весом. Тут Хёскульд сказал: — Дело обстоит так, что наша сделка должна совершиться. Возьми серебро, а я возьму эту женщину. Я признаю, что ты в этой сделке вел себя, как следует мужу, потому что, очевидно, ты не хотел меня обмануть. После этого Хёскульд вернулся в свою палатку. В тот же вечер Хёскульд разделил с ней ложе» (Ld. Kap. XII. Bls. 23–25).

О прозвище купцов в сагах (*hinn gerzki / girzki*) и о так называемой «русской шапке» в скандинавских источниках см. подробнее: *Успенский Ф.Б.* Скандинавы — Варяги — Русь. С. 303–317, 340–346.

¹⁸ Ср.: «Хёскульд, сын Коля из Долин, заболел на старости лет. Он послал за своими сыновьями и другими родичами. И когда они пришли, Хёскульд сказал братьям, Барду и Торлейку: — Я чувствую какое-то недомогание. Я никогда раньше не болел. Поэтому я думаю, что от этой болезни я умру. Дело обстоит так, как вы знаете,

тельная норма такого наследования не предполагает, а у завещателя уже не будет ни авторитетных, ни авторитарных средств контроля за судьбой имущества. Если судить по «Саге о людях из Лососьей долины», то законная часть, которой отец при желании, но отнюдь не по обязанности, может наделить робичича, составляет всего 12 эйриров. В случае с Олавом любящий отец обманул своих законных отпрысков, отдав Олаву Павлину самую престижную часть своих сокровищ, подарки конунга, а заодно и завещав свою удачу и удачу своих родичей. Повторимся, однако, что никакая любовь Хёскульда и знатное происхождение Мелькорки не давали возможность робичичу получить в наследство отцовскую землю, родовое имущество.

Не менее любопытна для нас и история сватовства Олава Павлина, в определенной своей части полностью воспроизводящая схему летописного сюжета о Рогнеде и Владимире. Отец невесты, как и Рогволод, не отказывает такому жениху, но передает дело на усмотрение дочери. Она же заявляет отцу (а это не кто иной, как уже знакомый нам Эгиль, сын Грима Лысого):

«я слышала, как ты говорил, что любишь меня больше, чем других своих детей, но теперь мне думается, что это неправда, раз ты хочешь выдать меня замуж за сына рабыни («þú vilt gipta mik ambáttarsyni»), пусть он и красив и превосходит всех»¹⁹.

что вы рождены в браке и должны получить все имущество после меня («fíð eruð menn skilgetnir og eigið að taka allan arf eftir mig»). Однако есть у меня еще третий сын, рожденный вне брака («eigi er eðliborinn»). И вот я хочу попросить вас, обоих братьев, чтобы вы дали Олаву право на наследство и чтобы он, как и вы, получил третью часть. Бард отвечал первым и сказал, что он поступит так, как хочет отец. — Потому что я ожидаю от Олава почета для себя во всех отношениях, и притом тем больше, чем он богаче. Тогда Торлейк сказал: — А я совсем не согласен, чтобы Олав получил право на наследство. У Олава уже много другого добра. Ты, отец, уже много давал ему из своего имущества и долгое время ставил нас, братьев, на второе место. Я не отдам добровольно ту часть, которая принадлежит мне по рождению. Хёскульд сказал: — Вы не захотите отнять у меня право дать двенадцать эйриров моему сыну, который со стороны матери принадлежит к такому знатному роду. Торлейк с этим согласился. Тогда Хёскульд велел принести золотое запястье, сокровище Хакона, — оно весило одну марку, а также меч, который стоил половину марки золота, — сокровище того же конунга, и дал их сыну своему Олаву, а также завещал ему удачу свою и своих родичей и сказал, что он говорит это, хотя ему известно, что удача уже поселилась в доме Олава. Олав взял сокровища и сказал, что посмотрит, как это понравится Торлейку. Тот был недоволен и думал, что Хёскульд поступил с ним коварно. Олав отвечал: — Я не отдам сокровища, Торлейк, потому что ты при свидетелях позволил их отдать мне. Посмотрим, удастся ли мне сохранить это имущество. Бард сказал, что он согласен с желанием отца. После этого Хёскульд умер» (Ld. Kap. XXVI. Bls. 74–76).

¹⁹ Ld. Kap. XXIII. Bls. 65.

Никакие доводы Эгиля о том, что род Мелькорки, вообще говоря, превосходит по знатности их собственный, на девушку не действуют, и это не удивительно. Знатность происхождения матери и даже тот факт, что она давно получила свободу и успела выйти замуж за другого человека²⁰, никоим образом не отменяет ее статуса рабыни на момент рождения этого сына.

Дальнейшие события развивались куда более благополучно, чем в истории Рогнеды, потому что Олаву удалось повидаться с девушкой и понравиться ей не только своим остроумием, но и не в последнюю очередь благодаря щегольскому наряду и дорогим украшениям, подаренным ему конунгами, в том числе и дедом с материнской стороны²¹. Однако помимо всего прочего, чрезвычайно важную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что робичич не просто был признан Хёскульдом, своим отцом, но тот весьма активно помогал сыну в его матримониальной затее и переговоры с родичами невесты взял на себя.

Предельную же ущербность таких сыновей в наследовании после смерти отца можно увидеть и в третьем из интересующих нас саговых эпизодов, о котором мы будем говорить существенно меньше, поскольку в нем, на наш взгляд, в большей мере сказалось

---

²⁰ Согласно саге, этот брак Мелькорки с Торбьёрном Хилым был заключен для того, чтобы помочь Олаву Павлину отправиться в Ирландию. Именно Олав, как единственный мужчина из рода Мелькорки на острове, заключал брачный договор со своим будущим отчимом (в письменных судебных актах позднее была зафиксирована норма, в которой взрослый сын фигурировал среди тех, кто мог выдавать женщину замуж: ср. Grg. V. I. D. 2. Kap. 144. S. 29 («Festa þátttr»); V. II. Kap. 118. S. 155 («Festa þátttr»)). Особенно отмечается и участие в этом договоре Барда, одного из законных сыновей Хёскульда и, соответственно, единокровного брата Олава Павлина (Ld. Kap. XX. Bls. 52). Весьма существенно также, что единоутробный брат Олава — Ламби, сын Мелькорки, рожденный от союза с Торбьёрном, не воспринимается как «сын рабыни» и соответствующим образом не именуется в тексте, брак Мелькорки задает новую точку отсчета в том числе и в правовых и генеалогических отношениях. Однако обратной силы эта процедура не имеет и решающего воздействия на положение Олава Павлина не оказывает.

²¹ Путешествие Олава к деду в Ирландию первоначально было задумано им и его матерью ради восстановления престижа их общего происхождения; ср. слова Мелькорки: «Я не хочу, чтобы тебя продолжали называть сыном рабыни («Eigi nenni ek að þú ség ambáttarsonr kallaðr lengr»), и если путешествие задерживается из-за того, что у тебя, как ты полагаешь, не хватает богатства, то я скорее соглашусь выйти замуж за Торбьёрна, если это даст тебе возможность отправиться в путешествие... Хорошо и то, что Хёскульда постигнут таким образом два огорчения, когда он узнает обе вести: что ты отправляешься в путешествие и что я выхожу замуж» (Ld. Kap. XX. Bls. 51).

модифицирующее влияние эпохи записи источников, XII–XIII вв. Это позднейшее выравнивание проявляется, в частности, в некоем смешении статуса детей наложницы и детей рабыни, характерном для права, подвергшегося влиянию церкви. Не исключено, правда, что за таким смешением стоит не позднейшее искажение правовой терминологии X столетия, а отражение тех тонких манипуляций и маневров в рамках спорного казуса, которые и в самом деле имели место в исторической действительности. Сыновья конкубины приравниваются здесь своими родичами к сыновьям рабыни в праве наследования отцу, хотя их мать именуется не *ambátt* «рабыня», но *frilla* — «наложница»²².

Речь идет о людях, называемых в саговой традиции «сыновьями Хильдирид», т. е. матронимом, а не отчеством — Хареке и Хрёреке²³. Основа для всяческих манипуляций была заложена, естественным образом, в тот момент, когда отец этих братьев, Бьёргольв, получил некие права на их мать Хильдирид. С одной стороны, он заранее, на пиру, переговорил с девушкой, вслед за этим вроде бы заключил с ее отцом Хёгни договор о «неполной свадьбе» (*lausabrullaup*) и заплатил тому эйрир золота. Следовательно, Хильдирид приобретала статус жены или, на худой конец, наложницы, но отнюдь не рабыни. С другой стороны, Бьёргольв прибыл в дом Хёгни с большим числом вооруженных людей, и, как отмечает сага, «Хёгни не видел другого выбора, как сделать все по желанию Бьёргольва»²⁴. Таким образом, не вполне добровольный характер договора позволял при желании рассматривать дочь Хёгни как «невольницу».

Все эти ситуационные и терминологические противоречия привели к тому, что единокровный брат Харека и Хрёрека после смерти отца выставил их вместе с матерью из дома и лишил какого бы то ни было участия в наследовании отцовского имущества, обосновывая это тем, что их мать подверглась насилию и именно так, а не по договору, вошла в дом их общего отца. Более того (и для нас это особенно существенно), когда этот законный сын Бьёргольва умирает,

---

²² О слове *frilla* см. также: *Ebel E. Der Konkubinats nach altwestnordischen Quellen. С. 150–155.*

²³ О матронимах у незаконнорожденных детей в Скандинавии см. подробнее: *Успенский Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001. С. 50–52; Johannessen O.J. “Var hann kendr við móður sína”. Metronymika, metronymikonbruk og metronymikonbærere i norrøn middelalder // Studia anthroponymica Scandinavica. 2001. Vol. 19.*

²⁴ *Eg. Kap. VII. Bls. 18–20.*

все отцовское наследство переходит по его воле в руки совершенно постороннего для их рода лица — Торольва, родного дяди Эгиля Скалагримссона. Оказывается, таким образом, что дети от женщины, захваченной насильно, не считаются естественными наследниками родового имущества, даже если их легитимный брат погибает и кровных родичей кроме них не остается. Сколь ни огорчены Харек и Хрёрек, возможности напрямую переломить такое положение дел правовая норма им, очевидным образом, не дает²⁵.

Обратим внимание, что все указанные конфликтные ситуации так или иначе связаны с Эгилем Скалагримссоном: в одном случае речь идет о его теще и жене, в другом — о зяте и матери этого зятя, соответственно, тогда как в третьем — об истории, в которую вовлечен его дядя по отцу, Торольв, оказавшийся наследником имущества из чужого рода. Совпадению этому, судя по всему, не стоит придавать слишком большого значения, скорее всего, оно попросту позволяет увидеть, что в X столетии такие юридические казусы случались достаточно часто и в родовом мире были явлением, так сказать, житейским, достаточно типичным, а в том, что касается индивидуальной биографии — вполне преодолимым.

Иными словами, коль скоро речь шла о рабах и робичичах, правоустанавливающая норма фиксировала некий *status quo*, в сущности,

---

²⁵ «Однажды к Торольву приехали сыновья Хильдирид с требованием, чтобы им отдали добро, которое раньше принадлежало Бьёргольву и на которое они, как им казалось, имели право. Торольв отвечал им так: — Я знал Брюньольва и еще лучше Барда, как людей справедливых, и уверен, что они выделили бы вам из наследства Бьёргольва все то, о чем им было бы известно, что оно по праву принадлежит вам. Я был неподалеку, когда вы явились с таким же требованием к Барду, и я понял, что он считает ваше требование несправедливым, потому что он назвал вас сыновьями наложницы Бьёргольва («Því at hann kallaði ykkur frilluson»). Харек сказал, что они доставят свидетелей и докажут, что за их мать было заплачено вено. Он предложил: — Правда, раньше мы не поднимали об этом разговора с Брюньольвом, нашим братом. Ведь тогда мы должны были делить наследство с нашими родичами. А от Барда мы ожидали, что он отнесется к нам с полным уважением, только нам не долго пришлось иметь с ним дело. Теперь же, когда наследство нашего отца попало к совсем чужим людям, мы больше не можем молчать о том, чего мы лишились. Но может быть, как это было и прежде, из-за разницы в могуществе между нами ты не признаешь наших законных прав в этом деле, если ты даже не хочешь выслушать свидетельства, которые мы могли бы доставить, о том, что мы рождены в законном браке («vít sém menn aðalbornir»). На это Торольв отвечал сердито: — Я не считаю вас законнорожденными наследниками, потому что слышал, что над вашей матерью было совершено насилие и ее привезли домой как пленницу («Því síðr ætla ek ykkur arfborna, at mér er sagt móðir ykkur væri með valdi tekin ok hernumin heim höfð»). На этом их разговор закончился» (Eg. Kap. IX. Bls. 29–30).

абстрагируясь от возможности его развития или изменения. Нарратив же, напротив, не выходя в своем сюжете из рамок, заданных правом, заинтересован прежде всего в вычерчивании неожиданных жизненных коллизий и поворотов, тонких нестандартных решений или силовых воздействий, запечатлевающих индивидуальную судьбу того или иного персонажа.

* * *

Итак, в том, что касается ответа Владимиру, летописный образ Рогнеды, как кажется, целиком и полностью соответствует юридическому облику девушки, живущей и действующей в рамках скандинавского права X в. (Заметим, кстати, что в историко-литературной перспективе эпизод из русского историографического источника обладает тем самым целой группой саговых параллелей, которые прежде исследователями при его анализе не привлекались²⁶.) Если же учесть, что рассказ о сватовстве включен в летописи в более широкий контекст историй об убоице Святославичей, борьбе за отцовское наследство²⁷, реплика Рогнеды означает, что она отвергает того, кто, согласно скандинавскому праву того времени, не может считаться законным наследником, как бы ни повернулось дело.

Подчеркнем еще раз, что главным аргументом в пользу подлинной архаичности этого круга саговых сюжетов, записанных в XII–XIII вв., служит аутентичное стихотворение Эгиля Скалагримссона, поэта, жившего в X в. и зафиксировавшего соответствующий юридический казус, случившийся в его собственной семье. Именно оно свидетельствует о том, что интересующие нас саги достаточно адекватно отражают характер бытования и применимости норм относительно робичичей в эпоху, непосредственно предшествующую крещению Скандинавии и Руси. При этом необходимо учитывать, разумеется, что авторитетная поддержка автохтонного текста имеет силу лишь

---

²⁶ Как правило, в соответствующих работах рассматривается сюжетное сходство рассказа о Рогнеде с историями из королевских саг или «Саги об Инглингах» — ср., в частности, повествование о конунге Олаве Трюггвасоне и Гудрун, дочери Ярнскегги, или о конунге Гудрёде и Асе, дочери Харальда (*Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 209–215*). Материал же родовых саг в этой связи практически не использовался.

²⁷ Напомним, что сватовству к Рогнеде предшествовало убийство Олега Святославича, а непосредственно после сватовства Владимир отправляется походом на Ярополка Святославича в Киев (ПСРЛ. Т. I. Стб. 74–79).

в применении к тем элементам сагового или летописного нарратива, для которых в нем находятся более или менее близкие аналогии. Множество живописных деталей, бытовых атрибутов и конкретных поворотов сюжета могут принадлежать совершенно иному времени, и даже их сходство в различных прозаических текстах с большой вероятностью объясняется общностью литературной традиции.

В самом деле, в истории Владимира и Рогнеды мы до сих пор оперировали тем голым минимумом, который является общим для обеих летописных версий рассказа — той, что помещена под 980 г.²⁸, и той дополнительной, более развернутой, которую мы находим в Лаврентьевской летописи под годом 1128²⁹. На то, какая из них первична, а какая вторична, существуют довольно разные и довольно многоступенчато обоснованные воззрения³⁰. При этом, как известно, ответные действия Владимира представлены в двух этих версиях с очень разной степенью подробности и хронологической длительности. Если рассматривать их в перспективе скандинавского правового контекста X в., то общим для краткого и пространного летописных рассказов является тот факт, что Рогнеда оказалась во власти Владимира как пленница, путем насилия, а не договора. Иначе говоря, она и ее будущее потомство обречены на тот самый статус, который Рогнеда в своем отказе приписала Владимиру и его матери.

Нарушая установленные нами же в данной работе правила и взглянув в пространную версию рассказа о Рогнеде под 1128 г., мы убедимся, что эта сюжетно-правовая линия разворачивается здесь очень последовательно³¹. Так, Рогнеду нарекают «робичицей», и

---

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 75–76.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 300–301.

³⁰ Ср., в частности: *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 50; *Довнар-Запольский М.В.* Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Киев, 1891. С. 70–71; *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 173–175; *Stender-Petersen A.D.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. S. 217–226; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. С. 211–215; *Рукавишников А.В.* Некоторые вопросы истории полоцкой земли домонгольского периода // Русское Средневековье. 2000–2001 годы. М., 2002. С. 40–45; *Он же.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). Июнь; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей. С. 347–350.

³¹ «О си* же Всеславици* сице есть тако ск*заша вѣдушии пре* тако Роговолоду держачю и владѣющю и княжачю Полотск*ю землю а Володимеру сущю Новѣгородѣ дѣтску сущю еще и погану и бѣ оу него [оуи его] Добрына воевода и храборъ и нарадень мужь сь посла к Роговолоду и проси оу него дщере [его] за Володимера вн же ре^ч дщери своєї хочещи ли за Володимера вна же ре^ч не хочю розути

это естественно не просто бранчивый ответ на ее оскорбительную реплику, а констатация нового положения дочери полоцкого князя и статуса ее будущих детей. Много позже, не поладив с Рогнедой, Владимир выделяет и отстраивает ей и их общему сыну Изяславу некое обособленное владение, прежде находившееся, по видимому, в землях изяславова деда по матери с тем, чтобы после смерти отца этот сын уже не мог — несмотря на свое возможное старшинство — претендовать на долю земельного наследства. Иначе говоря, все разворачивается примерно по тому же сценарию, что и история Мелькорки и Олава Павлина, которым отец Олава, Хёскульд, при размолвке с Мелькоркой выделил жилище и землю, но ничего из земельного имущества не смог завещать на смертном одре (или, отчасти, в истории Харека и Хрёрека, которые не могли наследовать отцу, но получили имущество своего богатого деда по матери).

Однако, несмотря на всю выгодность для нас такого развития сюжета в рассказе под 1128 г., мы не хотели бы — учитывая отсутствие однозначного текстологического решения о первичности краткой и пространной летописных версий — эксплуатировать эти эффективные преимущества. На наш взгляд, в статье 1128 г. практически невозможно разделить интересующую нас собственно правовую и пресловутую литературную близость летописного текста и саговых повествований. Помимо всего прочего, выстраивая свое повествова-

---

робичича но Ярополка хочю бѣ бо Роговолодь перешель изъ заморья имѣаше волость свою Полтескъ слышавше же Володимерь разгнѣвася в тои рѣчи уже ре^с не хочю ка за робичича пожалиси Добрына и исполниса ярости и поемше вои [и] идоша на Полтескъ и побѣдиста Роговолода Рогъволодь же вѣже в городъ и приступивше к городу и взяша городъ и самого [кнза Роговолода] аша и жену его и дщерь его и Добрына поноси ему и дщери его нарекъ еи робичица и повелѣ Володимеру быти с нею пре^с вѣмъ ея и мѣрю пото^с вѣа ея оуби а саму поа женѣ и нарекоша еи има Горислава и роди Изяслава поа же паки ины жены многы и нача еи негодовати нѣколи же ему пришедю к неи и оуснувшю хотѣ и зарѣзати ножемъ и ключиса ему оубудитиса и ка ю за руку вна же ре^с сжалиласи бахъ зане вѣа моего ѣби и землю его полони мене дѣла и се нынѣ не любиши мене и съ младенце^с симъ и повелѣ ею оустроитиса во всю тварь цѣрскую якоже в днь посага ея и сѣсти на постели свѣтлѣ в храмнѣ да пришедъ потнетъ ю вна же тако створи и давши же мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ и ре^с тако видеть ти вѣцъ рци выступа вѣе юда единъ мнишиса хода Володимерь же ре^с а хто та мнѣль сдѣ и повергъ мечь свои и созва болары и повѣда и^с вни же рекоша оуже не оубии ея дѣтати дѣла сего но въздвѣгни штчину ея и даи еи с сыно^с своимъ Володимерь же оустрои городъ и да има и наре^с има городу тому Изяславль и ѡтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославли^с внуко^с»).

ние об этом насильственном союзе и его последствиях, составитель летописи позволяет себе явные внутритекстовые противоречия, как бы забывая, например, что не только Изяслав, отделенный вместе с матерью в полоцкую землю, является сыном Рогнеды и рогволожим внуком, но и родословная его «литературного» антагониста Ярослава, по показаниям самой же летописи, выглядит совершенно аналогичным образом — Изяслав и Ярослав не только единокровные, но и единоутробные, полные братья³², и поэтому никак не могут быть противопоставлены друг другу по генеалогическому признаку. Вероятнее всего, отношения между Владимиром, Рогнедой и их сыновьями были устроены куда сложнее, а составитель новеллы 1128 г. несколько спрямил их, руководствуясь готовыми образцами, в частности, быть может и саговыми описаниями правовых коллизий. Таким образом, требования достоверности и аутентичности вынуждают нас оставаться в рамках некоторого минимума, общего для обеих летописных версий — Владимир захватил Полоцк, убил отца и мать Рогнеды, а саму ее «поя жене».

* * *

Итак, мы попытались реконструировать некую частную правовую ситуацию X в., исходя в первую очередь из аутентичного скальдического высказывания и сопряженных с ним саговых текстов, с одной стороны, и летописного свидетельства, с другой, и практически не привлекая (вопреки тому, как это обыкновенно делается) показания правовых кодексов, записанных в конце XII–XV столетия. Такой подход, помимо всех приведенных в начале статьи аргументов, представляется нам оправданным еще и потому, что составители правовых памятников не ставили перед собой задачи — при всей общей архаизирующей направленности древнесеверного права — последовательно зафиксировать юридические нормы и практическое положение дел предхристианского времени: сколько бы кодификаторы ни апеллировали к старине, прагматика их деятельности всегда связана с актуальной современностью.

Для Скандинавии это тем более существенно, коль скоро речь идет о точке пересечения двух отживающих, а с какого-то момента и полностью отживших институций — языческого брака и рабства как такового. Как известно, с концом эпохи викингов настает и ко-

---

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 80, под 980 г.

нец рабовладения, существование данной формы отношений небесспорно уже для конца XII в. и заведомо неактуально к концу века XIII. На русской почве тот институт зависимости, который со всей условностью может быть обозначен как рабство, также претерпел за это время немалые изменения. Таким образом, пытаясь извлечь информацию о положении робичича в Скандинавии и на Руси X в. из собственно правовых памятников, мы можем надеяться только на вычленение небольших блоков или даже отдельных формульных элементов, перенесенных в новые законодательные тексты из старого права, и, кажется, лишь в очень немногих случаях — на сколько-нибудь полное воспроизведение дохристианской нормы.

Препарирующий анализ скандинавских правовых источников, проделанный в последние десятилетия XX в., несмотря на все дискуссии, возникающие между исследователями, приводит нас, в сущности, к тому же выводу, что и материал родовых саг: в дохристианскую эпоху сын от рабыни не мог после смерти отца наследовать его родового имущества³³. Наиболее выразительно этот древний запрет представлен, пожалуй, в «Сером Гусе» («Grágás»), исландском судебнике, записанном в конце XII — XIII в.³⁴

---

³³ Подход, радикально противопоставляющий права детей от рабыни всем остальным категориям наследников, предлагался, в частности, в работах: *Maurer K.* Die unächte Geburt nach altnordischem Rechte // *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München.* 1883. Heft I. Passim; *Holmbäck Å.* Ätten och arvet enligt Sveriges medeltidslagar. Uppsala, 1929; *Goody J.* The Development of the Family and marriage in Europe. Cambridge, 1983. P. 76–77; *Clunies Ross M.* Concubinage in Anglo-Saxon England // *Past & Present.* 1985. No. 108. P. 15, 27. Несколько особняком стоит в этом отношении работа М. Каррас (*Karras M.* Concubinage and slavery in the Viking Age // *Scandinavian Studies,* 1990. Vol. 62. No. 2: Spring. P. 141–162), которая предполагает, что закон не создавал столь непроходимой пропасти между детьми невольниц и другими категориями незаконнорожденных, предоставляя отцу достаточно большую свободу в выборе наследников. Однако в самой статье это положение требует от автора массы оговорок, демонстрирующих весьма заметную ограниченность подобной свободы выбора.

³⁴ Grg. B. I. D. 1. Kap. 118. S. 224 («Arfa þátr»), ср.: Kap. 112. S. 191–192 («Vígs-lóði»); B. II. Kap. 59. S. 68 («Erfða þátr»), ср.: Kap. 161. S. 189–190 («Festa þátr»). Согласно этому судебнику, ребенок, рожденный свободной женщиной и рабом, а также свободным мужчиной и рабыней, не имеет права наследовать даже в том случае, если его несвободный отец или несвободная мать были отпущены на волю своим партнером с целью брака. Специально оговаривается, в частности, что ребенок, зачатый рабыней, которая получила свободу уже будучи беременной, является свободным так же, как и его мать, но права наследовать не имеет. Столь же однозначный запрет на наследование для детей и даже потомков рабов сохраняется и в ряде скандинавских областных законов, например, в шведских кодексах Восточного

Во многих кодексах мы обнаруживаем реликты старой системы, когда дети, рожденные вне брака, разделяются в праве наследования на различные категории в зависимости от волеизъявления отца и статуса отношений между отцом и матерью, причем все эти отпрыски свободнорожденных женщин последовательно противопоставляются опять-таки детям рабыни³⁵. Неизбежно отражается в судебныхниках и процесс перестройки этой системы, в рамках которого под воздействием церковного взгляда на брак постепенно формируется новая оппозиция, когда все незаконнорожденные, практически вне зависимости от нюансов происхождения, оказываются противопоставлены потомству, рожденному в браке³⁶.

Обращаясь к куда более лаконичным на сей счет древнерусским письменным правовым памятникам, зафиксированным в христиан-

---

и Западного Еталанда (SGL. Т. I (ÅVgL). Kap. 22. S. 31; Т. II (ÖgL). Kap. 114. S. 125) или в древнедатских законах Съёланда, где говорится, что ведущий свое происхождение от рабов не может наследовать (DGL. Т. V. S. 23–25, 294. Kap. 1: 18–19, 3: 29; Т. VIII. S. 228. Kap. 114). Ср. также: *Maurer K. Die unächte Geburt nach altnordischem Rechte. С. 33–37; Jochens J. Women in Old Norse Society. P. 20–21.*

³⁵ Наиболее частотные из терминов, обозначающих незаконнорожденных отпрысков, это «дитя угла» (*hornungr*) и «дитя куста» (*hrisungr*), хотя в целом эта терминология является более развитой (ср., например, *bæsingr* «дитя стойла в хлеву», о ребенке, зачатом, когда его отец находился вне закона). Исследователи достаточно единодушны в том, что за этими терминами скрываются архаичные социально-родовые категории. Однако в позднем писаном праве их наполнение может варьироваться от источника к источнику. Наиболее пространно они раскрываются в норвежских законах Гулатинга, где говорится, что «дитя угла» — это сын свободной женщины, за которую не было заплачено вено (*mundr*, выкуп за невесту) и которая состояла с отцом ребенка в открытой связи, а «дитя куста» — это сын свободной женщины, зачатый тайно (NGL. Т. I (Gul.). S. 48. Kap. 104). Нельзя не отметить при этом, что законы Гулатинга проявляют большую мягкость в отношении права детей рабыни на наследства в том случае, если им была дана свобода прежде, чем миновали «три Святые ночи» (*Ibid.*).

³⁶ Так, в законах Уппланда, например, несущих на себе весьма заметный и неоспоримый отпечаток церковного права, дети, рожденные от внебрачной связи, «в блюде» (*horðom*), приравниваются к тем, что явились плодом инцеста, и не наследуют ничего (SGL. Т. III (UplL). S. 125–127. Kap. 23–24; ср. при этом: Т. IV (SdmL). S. 63–64. Kap. 3; Т. V. S. 49–50. Kap. 9 (DalL); S. 134–136. Kap. 18–19 (VmL); Т. VI (HlsL). S. 37–38. Kap. 14). В других скандинавских правовых памятниках мы можем обнаружить статьи, где право наследования предоставляется исключительно рожденным в законном браке, а те, кто из наследства исключаются, делятся на детей служанок (*huskumi barn*) и детей распутных женщин (*horkumi barn*) (SGL. Т. II (ÖgL). S. 125. Kap. 13; ср. также: SGL. Т. I (ÅVgL). S. 26–27. Kap. 8). Необходимо отметить, впрочем, что даже в пределах одного судебногоника, не говоря уже о скандинавской письменной правовой традиции в целом, идея полного лишения наследства всех категорий незаконнорожденных отнюдь не проводилась последовательно.

скую эпоху, мы обнаружим, что наиболее ранний из тех, где тем или иным образом обсуждается положение детей от рабыни — Пространная редакция «Русской Правды» — декларирует тот же безусловно запретительный подход, что и, скажем, «Серый Гусь»:

«Аже будуть робьи дети оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ смертию»³⁷.

Иначе говоря, показания древнерусского письменного правового источника ни в чем не расходятся с той картиной, которую мы извлекаем из скальдического стихотворения X столетия и соответствующего сагового материала. Такого рода единодушие (в качестве своеобразного побочного результата) может служить косвенным аргументом в пользу того, что данное положение «Русской правды» само по себе достаточно архаично и сформировалось не позднее X в. в рамках относительно целостного, смешанного и переплетенного варяжско-русского правового пространства, своеобразным рупором которого оказалась в летописном тексте дочь полоцкого князя Рогволода.

В чем же заключалась, однако, «ошибка Рогнеды», обошедшаяся ей так дорого? Мы попытались продемонстрировать, что, судя по скандинавским правовым прецедентам, полоцкая княжна действовала совершенно последовательно и закономерно. Исходя из зафиксированной существенно позднее нормы Пространной редакции «Русской правды», можно заключить, что такая же точка зрения на рубичичей возобладала и на Руси. Однако Рогнеда и в самом деле ошиблась, потому что в эпоху смуты, междоусобицы и вакуума власти отнеслась к Владимиру как к сыну своего знатного свободного соотечественника и *ambátt*.

Владимир же всеми силами пытался так переломить ход событий, чтобы восприниматься современниками исключительно как сын правителя, а в таком случае включаются совсем иные механизмы легитимизации, и право обычая, столь обязательное для других, отодвигается на второй план. Особенно это актуально в тот момент, когда династия переживает период становления или тяжелый кризис.

---

³⁷ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 107. В Троицком списке конец фразы был исправлен: «Аже будуть робьи дети оу мужа, то то задници им не имати, но свобода им с матерью» (Русская правда Пространной редакции (по Троицкому списку). С. 118, ст. 98).

В определенном смысле здесь сакрализуется право силы, и Владимир должен доказать, что он не вполне субъект обычного права и в возможностях наследования, и в стратегии брака. Сделать это тем труднее и тем важнее, что отца, который мог бы ему помочь или помешать прочертить не вполне стандартную линию династической преемственности, на свете уже нет³⁸.

По-видимому, подобные силовые легитимизирующие акты в какой-то степени способствовали утверждению права династии и в последующие, более спокойные времена жить иначе, чем ее непосредственное окружение, благодаря им, помимо всего прочего, постепенно формируется то своеобразие облика конкретного правящего рода, которое выделяет его как среди не обладающих властью соотечественников, так и среди иностранных династососедей. В период, непосредственно последовавший за сватовством Владимира к Рогнеде, происходит, судя по всему, расчленение и поляризация пресловутого русско-варяжского правового пространства, и в дальнейшем судьбы рожденных вне брака Рюриковичей будут отличаться как от участи незаконных детей не княжеского происхождения, подпадающих под положение тех или иных судебников, так и от жизненного пути королевского бастарда в Скандинавии.

---

³⁸ В качестве любопытной и, разумеется, отнюдь не единственной параллели к этой стороне инцидента между Владимиром и Рогнедой можно привести легенду, изложенную Видукиндом Корвейским, о разрешении кризиса в франкской и тюрингской династии (оговоримся сразу, что для нас она не является полноценной нарративной или юридической аналогией к летописному свидетельству). Согласно рассказу Видукинда, король франков Гуго, умерев, оставил дочь Амальбергу, которая вышла замуж за короля тюрингов Ирминфрида, и сына по имени Теодорик, рожденного от наложницы, которого франки после смерти отца избрали своим королем. Теодорик отправил послов к своей сестре Амальберге и зятю Ирминфриду, предлагая тому родство и дружбу, хотя Тюрингия была подчинена франкам. Как полагает хронист, Ирминфрид был непрочь согласиться, но Амальберге и ее приспешникам удалось убедить короля дать послу совсем другой ответ и выразить удивление, как Теодорик, раб по рождению, домогается власти, ведь собственному рабу не подобает сдаваться. Амальберга утверждала, что она имеет все права наследования, поскольку рождена королем и королевой. Разгорелась война, победил Теодорик и тогда разгромленный Ирминфрид был вынужден отправить к нему посла со следующими речами: «Меня прислал к тебе твой родственник, теперь [твой] раб, [он просит], чтобы ты сжалился если не над ним, то по крайней мере над своей несчастной сестрой и над своими племянниками, попавшими в крайнюю беду» (*Видукинд Корвейский. Деяния саксов*. М., 1975. Кн. I. Гл. 9–10. С. 132–133).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.
- Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975.
- Данилевский И.Н.* Библия и Повесть Временных Лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1.
- Довнар-Запольский М.В.* Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Киев, 1891.
- Карпов А.* Владимир Святой. М., 1997.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010.
- Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008.
- Михеев С.М.* Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрекса) // Именослов: История языка, истории культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. (Труды Центра славяно-германских исследований, I).
- Молдован А.М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.
- Прозоровский Д.И.* О родстве святого Владимира по матери // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. V.
- Поптэ А.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974.
- Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I; М., 1998. Т. II; М., 2000. Т. III.
- Рукавишников А.В.* Некоторые вопросы истории полоцкой земли домонгольского периода // Русское Средневековье. 2000–2001 годы. М., 2002.
- Рукавишников А.В.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). Июнь.
- Русская правда Пространной редакции (по Троицкому списку) // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства, X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952.
- Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978.
- Соколов Б.М.* По поводу «Слова о законе и благодати» Илариона // ИОРЯС (1917). Т. XXII. Кн. 2. 1918.
- Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германорусские отношения в области эпоса) // Ученые записки Государственного Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1923. Т. I. Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета.

- Срезневский И.И.* О Малуше, милостнице в[еликой] к[нягини] Ольги, матери в[еликого] к[нязя] Владимира // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. V.
- Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Успенский Ф.Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский Ф.Б.* Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырех томах / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина, пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. 3-е изд. М., 1996. Т. I–IV.
- Членов А.М.* Древляньско похождение князя Владимира // Український Історичний журнал. 1970. № 9–11.
- Членов А.М.* Языческий обряд низложения династии в Киевской Руси (реконструкция) // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов А.А.* Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. XVIII.
- Brink S.* Lord and Lady — Bryti and Deigja: Some Historical and Etymological Aspects of Family, Patronage and Slavery in Early Scandinavia and Anglo-Saxon England. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London 17 March 2005. London, 2008.
- Butler F.* Enlightener of Rus': The Image of Vladimir Sviatoslavich across the Centuries. Bloomington (IN), 2002.
- Clunies Ross M.* Concubinage in Anglo-Saxon England // Past & Present. 1985. No. 108.
- Corpus Iuris Sueo-Gotorum Antiqui.* Samling Af Sweriges Gamla Lagar / Utg. H.S. Collin och C.J. Schlyter. Stockholm; Lund, 1827–1869. Т. I–XII.
- Cross S.H.* La tradition islandaise de Saint Vladimir // Revue des Études Slaves. 1931. Vol. XI.
- Danmarks gamle landskabslove* / Udg. J. Brøndum-Nielsen. København, 1945–1948. Т. I–VIII.
- Den norsk-islandske Skjaldedigtning* / Udg. Finnur Jónsson. B: Rettet tekst. København, 1973. В. I–II (репринт издания 1912–1915 гг.).
- Ebel E.* Der Konkubinat nach altwestnordischen Quellen. Philologischen Studien zur sogenannten "Friedelehe". Berlin; New York, 1993 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 8.).
- Egils saga Skallagrímssonar tilligemed Egils störra kvad* / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1886–1888 (STUAGNL, 17).
- Goody J.* The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983.

- Grágás. Islændernes Lovbog i Fristatens Tid / Udg. efter det kongelige Biblioteks Haandskrift og overs. af Vilhjálmur Finsen for det nordiske Literatur-Samfund. København, 1852–1870.
- Holmbäck Å.* Ätten och arvet enligt Sveriges medeltidslagar. Uppsala, 1929.
- Jochens J.M.* Consent in marriage. Old Norse law, life, and literature // *Scandinavian Studies*. 1986. Vol. 58.
- Jochens J.M.* Women in Old Norse Society. Ithaca; London, 1995.
- Johannessen O.J.* “Var hann kendr við móður sína”. Metronymika, metronymikonbruk og metronymikonbærere i norrøn middelalder // *Studia anthropomica Scandinavica*. 2001. Vol. 19.
- Karras M.* Concubinage and slavery in the Viking Age // *Scandinavian Studies*. 1990. Vol. 62. No. 2: Spring.
- Korpela J.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus’ bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä, 1995. (*Studia Historica Jyväskyläensia*. Bd. 54).
- Laxdæla saga / Hrsg. Kr. Kålund. Halle a. S., 1896 (*Altnordische Saga-Bibliothek*, 4).
- Maurer K.* Die unächte Geburt nach altnordischem Rechte // *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1883. Heft I.
- Norges gamle Love indtil 1387. Christiania, 1846–1895. Bd. 1–5.
- Schramm G.* Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002.
- Stender-Petersen A.D.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934 (*Acta Jutlandica*, 6, 1. [Humanistisk serie, 16].)
- Stender-Petersen A.D.* Varangica. Aarhus, 1953.
- Stjorn: Gammelnorsk Bibelhistorie fra Verdens Skabelse til det babyloniske Fangenskab / Udg. C.R. Unger. Christiania, 1862.

Anna Litvina, Fjodor Uspenskij

THE SPECIFIC CASE WITH ROGNEDA: THE PROPOSAL OF THE PRINCE VLADIMIR IN THE LIGHT OF PRE-CHRISTIAN JURIDICAL TRADITION IN SCANDINAVIA

The Russian Primary Chronicle story of Prince Vladimir marriage proposal to Rogneda traditionally attracts reader’s attention by the emotional coloring, ethnographic details and intercultural coincidences. With the evident and indisputable dramatic effect of the situation depicted in the Chronicle, there are a lot of concealed meanings, not all of them have been studied.

Thus, the plot of this episode is rather built on Rogneda abusing Vladimir («не хочу розути робичича . но Ярополка хочю») and on the subse-

quent revenge and return actions by Vladimir to the family ruling in Polotsk. Meanwhile, if consider this story not only as a most interesting and rather a complicated narrative, but also as a reproduction of the essence of some dialogue that took place in reality, then alongside with the abusive character of Rogneda's remark, it is impossible to ignore its proper juridical aspect.

The daughter of a settler in the first generation, she naturally uses juridical categories inherent to her former motherland. In the archaic Scandinavian law there was a special norm according to which a child born from a free man and a slave woman (and, respectively, from a free woman and a slave) can not inherit the family property of the father, even if that would make the mother free and marry her. The Rogneda of the Chronicle acts quite in the tradition of her motherland, simplifying and aggravating some rather complicated life situation, to drive it to the understandable and peremptory situation in law: Vladimir as a son of the slave woman is not an heir of the family property either of the first or of the second order. In other words, from Rogneda's viewpoint he can not inherit this property even in the case of his brother's death.

Rogneda appears to be wrong considering Kiev a usual family estate and Vladimir — only the son of her free fellow countryman and a slave woman. The “groundlessness” of such position is, in some sense, a mark of the transition of the Rurikids from the status of clan to status of the dynasty, always living by somewhat altered rules of inheritance.

Key words: Old Rus', Old Scandinavian legislation, concubinage, inheritance, Russian princes' dynastic tradition, Varangians, Rurikides.